

T. Darieva. From Silence to Glasnost: Reconfiguration of the Memory of Armenian Loss in Post-Socialist Armenia

The paper focuses on the transforming representations of the Armenian trauma in post-socialist Yerevan. One of the crucial points in creating a new national ideology in post-socialist Armenia is related to the establishment of proper memorialization and justice regarding the Armenian yeghern (grief and mourning) in terms of global morality. A shift from forgotten to voiced and visible representations of the Armenian loss began in the mid-1960s with a spontaneous movement from below during the Khrushchev political thaw. Drawing on ethnographic work in 2005 and 2006, the author analyzes the ways Armenians give voices to the forgotten loss by introducing new public events such as the youth torch march and involving "outside" forces in the national sacred repertoire. To illustrate this change, she focuses specifically on the area surrounding the Armenian Genocide Monument in Yerevan.

ЭО, 2008 г., № 3

© Д.В. Сень

ВООБРАЖАЕМАЯ ГЕОГРАФИЯ И ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС: ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КРЫМУ И НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Дискурс Кубани: "Золотой век" местной истории и ментальная судьба "крымской провинции"... Существует ли Кубань? Вопрос может показаться нелегитимным с точки зрения современного политического дискурса, когда речь идет об инвестиционной привлекательности Кубани как *региона*, о роли в ее истории кубанского казачества, объявленного по сути *ab ovo* местной истории; наконец, когда учебники под названием "История Кубани" являются необходимым компонентом как школьного, так и вузовского образования. Однако, по справедливому замечанию А. Миллера, в подавляющем большинстве исследований способ воображения региона не объясняется сколько-нибудь четко и подробно, причем историки убеждены, что «выбранные ими границы региона "естественны", а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения» (Миллер 2006: 16). Ситуация усугубляется тем, что многие исследователи искусственно вычлениют в государстве некий регион, ретроспективно используя для его описания такие современные границы, которых раньше не существовало. Отсюда нередки заявления о том, что "традиционно" (оказывается!) Кубанью называются земли Черноморского казачьего войска, а затем так стали именовать территорию Кубанской обл. и Черноморской губ. (Хотина 2006: 4). Обращает также на себя внимание и заявление о формировании на Кубани "особой кубанской ментальности", в числе доминант которой называют "особую роль православия", общинный способ "диалога с природой, силу традиционализма, характерного, в первую очередь, для казачества" (О создании учебника).

Проблема, однако, существует, и ярчайший пример научной "недокоммуникации" в этом поле – "пребывание" земель западных адыгов (Черкесии-Ады-геи) в составе Кубани. Историки Краснодарского края включают эти сюжеты в местные варианты исторического описания, ученые Адыгеи ("Закубанье") категорически не желают в своих трудах

Дмитрий Владимирович Сень – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына по научной работе; e-mail: dsen1974@mail.ru

"пересекать" пространство р. Кубань, поскольку на правом берегу Кубани находится значительная часть территории Краснодарского края. С другой стороны, часть земель бывшего Кубанского казачьего войска (Баталпашинский отдел) ныне входит в состав Карачаево-Черкесии, но мы не найдем описания казачьей истории ни в учебниках по истории КЧР, ни, напротив, освещения истории "карачаево-черкесского народа" в учебниках по истории Кубани. Следует признать, что местная история становится известна массовому читателю, преломляясь в зеркале прежде всего такого знакового события, как переселение в регион казаков-черноморцев в конце XVIII в. Впрочем, рассуждая формально, согласимся, что память о "Золотом веке" и "коллективное присвоение древности... играют большую роль в формировании наций. Чем более славным и величественным выглядит прошлое, тем проще сплотить людей вокруг их прошлой культуры, объединить их различные группы и определить общую национальную идентичность (Шнирельман 2006: 30–31).

Примечательно, что тезис об освоении этими "первыми" казаками "Кубани" как новом Начале в истории региона присутствует не только в научной, научно-популярной литературе, но также господствует в массовом дискурсе или, по терминологии А. Ливенсона, принципиально бесписьменном современном "фолк-дискурсе" (Ливенсон 2005: 286). При этом многие явления, в числе других историй характеризующие специфику развития "региона" до наступления "золотого" 1792 г., сознательно маркируются как *не имеющие* генетической связи с явлениями подобного же ряда, но появившимися в местной истории после переселения в регион казаков-черноморцев. Например, речь идет о роли и месте двух, как минимум, явлений в местной истории: казачестве и Русской православной церкви. Очевидно, что оба явления (даже применительно к событиям Нового времени) составили гораздо больше следов в прошлом Кубани, чем это усиленно пропагандируется и популяризируется. Но поскольку эта "другая история" не укладывается в обоснование наступления Золотого века, то "мягкое неприятие" такого рода "неистинной" истории (вкуче с "черкесскими" сюжетами), случившейся *до конца XVIII в.*, составляет часть современного регионального научного дискурса. В целом состояние фолк-дискурса определяется апелляцией к казачьему прошлому истории края вот почему: поскольку для большинства людей понятия "русская история" и "история России" являются совершенно однозначными, то казаки-черноморцы, "предки" русских Кубани, *однозначно идентифицируются как носители российского государственного начала и, следовательно, как создатели традиций Кубани, "исконного" места "проживания русского народа, составляющего большинство населения края"*.

Перед автором стоит задача (решение которой – дело, главным образом, будущих работ) изучить данный случай из области освоения Россией своих причерноморских окраин в указанный период с точки зрения как дискурса империй, так и антропологии освоения/присвоения пространства, формирования (возможно – изменения) различных дискурсов на поле общения новых насельников Кубани с местным населением. В фокусе внимания – практики России по организации нового культурного ландшафта земель бывшего Крымского ханства, включая область ментальной картографии, ментальных карт (Миллер 2002; Шенк 2001). Особенно интересно проследить в будущем возможную связь состояния коллективной памяти жителей, например, современной Кубани, с истоками этого мифа, корни которого, по моему сегодняшнему видению проблемы, уходят в область научных практик кубанских интеллектуалов XIX в. – Я.Г. Кухаренко, П.П. Короленко и других специалистов. П.П. Короленко, например, писал о дикости края, осмотренного М. Гуликом, всячески превознося времена Екатерины II, когда "начинается кровавая борьба черноморцев с горскими народами на рубеже кубанской границы" (Короленко: 31, 37). Удивительным, на первый взгляд, образом тезис о дикости и варварстве народов (например, ногайцев), населявших Кубань до прихода казаков-черноморцев, перекочевал в сегодняшний день – особенно актуализировавшись после открытия в г. Краснодаре памятника Екатерине II в сентябре

2006 г. (Наш праздник: 2; Нам перед потомками: 6). Наконец, внимание будет уделено рассмотрению такой проблемы, как связь воображения/присвоения новообретенного Россией пограничного пространства с его картографированием. Совершенно прав Дж.Б. Харли, считавший, что карта никогда не является нейтральной и что владеть картой – по сути владеть страной (Harley 1988: 298). Причем нередко случалось так, что карты служили дополнительным источником раздражения в межгосударственных отношениях (Вульф 2003: 226; Смирнов 1999: 79).

Автор настоящей статьи уже публиковал некоторые результаты обращения к тематике, вынесенной в заголовок (Сень 2006а; 2006б; 2007), причем сама постановка проблемы – о конструктивистской природе границ Кубани, а также о связи истории названия региона с имперскими идеологическими установками конца XVIII в. – вызвала довольно неоднозначную оценку со стороны некоторых регионоведов (Кмиторов 2007), уверенных в надуманности проблемы и убежденных, что такой регион существует объективно и испокон веков. Такого рода вульгаризированное понимание тех подходов, сторонники которых лишь проводят мысль о том, что "общественно-исторические явления суть продукты человеческих действий (и в этом смысле они социальные конструкты – Малахов 2003: 531), лишний раз свидетельствует о теснейшей связи политического дискурса (в той, например, части, где идет открытая борьба за прошлое) с деятельностью "контролеров коммуникации" (по П. Брассу) – историков, этнологов и др. интеллектуалов. В науке не раз отмечалось, что государство, действуя в своих интересах, придает прошлому нужный монументальный облик, "взывает к поражающим воображение архетипам, осуществляет дидактические манипуляции с прошлым и всемерно использует его как мощный мобилизационный фактор" (Schwarcz 1994: 51–52). Несомненно, что топонимическую политику государства (о которой, в частности, пойдет ниже речь) наряду с возведением памятников, празднованием исторических дат и пр. можно включить в список эффективных методов "национализации масс" (Mosse 1975), в результате чего стирается одна память и закрепляется другая. При этом термин "национализация" понимается прежде всего в контексте целенаправленных действий государства на создание нового образа своего народа, новой национальной культуры и пр., включая различные инструменты нацистроительства.

Стоит признать, что сама постановка вопроса о существовании Кубани неоригинальна уже на том основании, что является "символической калькой" названия статьи Э. Валлерстайна "Существует ли Индия?" (Wallerstein 1995: 131–134). Однако до последнего времени ученые почти не интересовались такой проблемой, как определение ментальных границ Кубани в парадигме продвижения России на Юг, закрепления ее на берегах Черного моря и решения ею многовековых внешнеполитических задач или таких "вопросов", как крымский, кубанский, шире – Восточный. Новизна статьи определяется, в частности, тем, что данный случай из области ментальной географии изучается в контексте борьбы империй (Российской и Османской) за территорию и население двух "горячих точек" вдоль евроазиатских границ, которые А. Рибер выделяет в числе пяти аналогичных проблемных зон: Причерноморской степи и так называемого Кавказского узла (Рибер 2004а: 56). История пространства "Кубань", следовательно, может изучаться как часть проблемного поля дискурса империй. В самом деле, такие составляющие имперской колонизации окраин, как "рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры" (Barrett 2000: 119), еще требуют самого пристального внимания исследователей колонизации Россией Кавказа.

Типологически близкая тематика получает вполне успешное освещение при обращении ученых к изучению пространства смежных с Кубанью или таких же, как Кубань, регионов, границы которых "ускользают" от четкого определения – Сибирь, Крым; равно как на теоретическом уровне в науке появляется все больше весомых оснований для самого перспективного изучения этой проблематики (O'Neill; Ремнев

2004; *Филошкин*). В продолжение, например, плодотворной мысли А. Миллера (*Миллер* 2004: 279) можно задаться вопросом – в какой мере русификация Северо-Западного Кавказа соответствовала общеимперским представлениям о национализации имперского пространства? И можно ли говорить о том, что в ходе реализации этого имперского проекта царизм сумел включить земли Крымского ханства в символическую территорию своего национального пространства? Думается, что при ответе на эти вопросы уместно, например, обратиться к опыту ученых, изучающих соответствующие практики России в Крыму и делающих выводы о том, что Крым становится "своим" в русском сознании не ранее середины XIX в. (*Маловичко* 2007: 89–90). Напротив, другие исследователи (*O'Neill*) говорят о том, что даже с появлением этих новых представлений о "русскости" Крым не должен был и не мог им соответствовать. В любом случае внимательно стоит отнестись к мнению крупного исследователя истории империй А. Рибера, считающего, что способность империй управлять своими границами является одним из важнейших факторов их (империй) долговечности (*Рибер* 2004а: 54). В этой связи позволю утверждение, что конструирование (путем называния и наделения границами) *нового воображаемого пространства* (недавно – чужого!) можно отнести к числу приемов управления, а также формирования новой идентичности новых насельников этого "региона". "Русская Кубань": "преодоление" Татарии.

"Русская Кубань": "преодоление" Татарии... В конце XVIII в., по итогам Русско-турецких войн второй половины XVIII в., Крымское ханство было ликвидировано, и манифестом 8 апреля 1783 г. империя обрела, наряду с полуостровом Крымским, также "остров Тамань и всю Кубанскую сторону" (ПСЗ-1 1830а: 897). Подчеркну, что в тексте манифеста империя признает принятие под свою высокую руку новых подданных как "неприродных", декларируя при этом "бытия их перемену". Следовательно, можно уверенно говорить о больших трудностях для Романовых в легитимации их прав на новообетенные земли, нежели, например, на обоснование династией этих прав в отношении наследия Киевской Руси ("природных" владений Рюриковичей), либо Польши. В самом деле, наввно полагать, что зывание имперских властей к такому основанию для "мягкого захвата", как возмещение потерь от войны с Турцией (что присутствует в тексте документа), могло устроить не только местное население, но саму победившую сторону.

Отмечу, что на протяжении веков ногайско-татарская Кубань ассоциировалась в сознании жителей России с "нечистым" пространством, источником бед и страданий православных. Крымское ханство, в состав которого входила Кубань, являлось не только серьезным соперником России в реализации ей политики на европейском, например, направлении, но и несло существенную угрозу, что называется, национальной безопасности – пленные угонялись на земли ханства десятками тысячами (*Новосельский* 1948: 426). Кроме того, восприятие славянами татар Крымского ханства (можно полагать – и ногайцев Кубани) в качестве "бича Божьего", а этих земель ("Татарии") как *Тартарии* (в эсхатологическом понимании) также закрепляло за указанным пространством (включая Правобережную Кубань) статус земель "нечистых" и "богопротивных", что вполне укладывается в поле бинарных оппозиций, "характеризующих структуру физического, психического и социального миров" (*Подосинов* 1999: 501 и др.). Дискурс татар в сознании жителей Российского государства со временем, конечно, изменился: в конце XV – начале XVI в. "используемые в качестве орудия наказания татары оцениваются как неразумная, разрушительная, безликая, некультурная стихия. Особенно подчеркивается их коварство и стремление изменить уклад жизни покоренных народов" (*Амелькин* 1992: 7–8). Впрочем, и в конце XVII в. в России наблюдаются остаточные явления в оценках татар и турок с позиций Св. Писания и церковной истории. Киевский Синодсис 1674 г. (популярнейший одно время в России учебник истории) по-прежнему рисует их как поганых "агарян" и "исмаильтян" (Мечта о русском единстве: 217); причем нечеловечность их черт подчеркивается ссылкой

на антропофагию врагов христианства – "хотяще" они "православных яко гладнии зверие всячески пожреши" (Мечта о русском единстве: 226). Известен ряд описаний татар XVIII в., в которых они также наделяются малопривлекательными чертами, выступая представителями едва ли не отдельной и, "естественно", малоразвитой и жестокой нации (Вульф 2003: 284–288). На дискурс Татарии необходимо смотреть и шире – с точки зрения "просвещенной" Европы; недаром Г.Л. де Боплан пишет о Крыме (включая татар крымских и ногайских) как о *Тартарии*, наделяя, например, татар крымских "нечеловеческими" чертами, а черкесов, например, считая тоже татарами (Боплан 2004: 213). Причем, как метко выразился Л. Вульф, если за рядом стран, включая Турцию, век Просвещения мог признать "собственную восточную цивилизованность, то татарам напрасно было ждать подобного снисхождения" (Вульф 2003: 285). Дискурс Татарии оказался живуч – российский атлас 1745 г. содержит в себе карту "Малая Татария с пограничною Киевскою и Белгородскою Губерниями", включающую в себя показ земель, лежащих около Днепра, Дона и Донца, "також весь Крым и часть Кубани с Черным морем" (Атлас Российской 1745: 8).

Поэтому для России, выступившей в XVIII в. на мировой сцене в качестве великой империи, воспринявшей идеи Просвещения и *mission civilisatrice* среди отсталых народов, варваров, было крайне важно изменить представления о себе в Европе как о варварской ранее стране, как части бывшей Татарии. Тем более оперативно имперским властям в конце XVIII в. предстояло решить другую насущную задачу – трансформировать подобные представления о регионе, который сам в недавнем прошлом являлся частью Татарии. Интересно, что перед Россией стояла особая задача, поскольку, например, в XVIII в. Крым (Малая Татария) воспринимался интеллектуалами века Просвещения уже как Европа (пусть даже как самая ее восточная часть – Вульф 2003: 118); между тем как Россия только пыталась (но так и не сумела в полной мере) преодолеть господствовавшие в Европе по отношению к ней идеи западного превосходства. На многих европейских картах, например, XVI–XVII вв., хорошо знакомых в России, мы находим зримое указание на отнесение интересующего нас пространства и к Татарии, и к Азии (Агафонов 2001); более того, самой России нередко, например, на картах отказывали в принадлежности к Европе. И хотя сама Россия упорно проводила мысль о своей принадлежности к Европе, включая в эту "часть округа земного" свою территорию (кстати, наряду с Таврикой – перекопскими татарами) (Мечта о русском единстве: 53), многое, как справедливо пишут многие ученые, зависело не от нее. При этом России "не повезло" вдвойне – степень "дикости" москвитов лишь удаивалась от того, что европейский дискурс Азии включал в себя и Россию, и Татарию. Причем Европа испытывала обратные России чувства в характеристиках ее как Татарии. Недаром С. Герберштейн (середина XVI в.) примерно в одних и тех же красках рисует хитрость и вероломство татар и москвитов, низкий уровень гигиены тех и других, их склонность к неопрятности в приеме пищи и пр., вообще находит много общего у тех и других (Герберштейн 1988: 104, 126–127, 167, 168). Труд Герберштейна оказал существенное влияние на дальнейшее развитие представлений о России как о части антиевропейского мира, как об Азии (Там же: 138). Еще Вольтер мог себе позволить заигрывать со спорной даже в XVIII в. принадлежностью России к Европе, заявляя, что хотя часть России и находится на континенте, но в целом эта огромная страна Европе неизвестна (Вульф 2003: 150–151). Что касается вопроса о сужении дискурса – "Россия как Татария" (к слову сказать, и татар и русских многие интеллектуалы Европы, включая Герберштейна и Вольтера, относили к скифскому миру), то он явно требует отдельного изучения.

Рабочая гипотеза автора заключается в следующем: инкорпорируя юридически и административно новое пространство Крыма (Малой Татарии) в имперскую систему, царизм сознательно пошел на масштабное переименование "региона", причем долгое время практики России по созданию "центрального топоса" управления здесь своими

границами носили непоследовательный характер, не говоря уже об отсутствии продуманности и многообразии форм процесса управления по М. Ходарковскому (*Рибер* 2004а: 61–62). Кажется, не ошибусь, если приведу в качестве подтверждения мысли о "непоследовательности" характера этой деятельности рассуждение М. Бассина о том, что вестернизированная Петром I Россия обрела в XVIII в. свой дискурс Европы и Азии, а именно – деление страны на европейскую и азиатскую части (*Bassin* 1991), последняя из которых все время расширялась. Освоение новых земель нельзя было начинать, оставляя без внимания контекст символического влияния "старых" ("освященных" традиций) применения самыми разными историческими акторами) историко-географических представлений об этих землях, как о "Кубани", "Татарии", пространстве, безусловно, чуждом и враждебном. Реализацию планов властей по ликвидации ("стиранию" с карт) истории той, чужой, уже *несуществующей* Кубани необходимо было сочетать с *символическим присвоением* Россией завоеванного пространства Крымского ханства. Поэтому не вполне прав А. Зорин, указывающий, что "стратегическое и культурное значение Крыма было осознано творцами российской политики не сразу" (*Зорин* 2004: 97). Напротив, память о татарах как об одной из главнейших апорий русской исторической памяти сдерживала до времени расширение границ России на юге. Противоречивое отношение к возможным судьбам Крымского ханства присутствует уже в докладах М.И. Воронцова "О Порте Оттоманской" и "О Малой Татарии" (Архив князя 1882: 308 и др.), представленных Екатерине II в июне 1762 г.

И здесь уместно провести мысль о том, что дискурс Татарии в понимании европейцев и русских, скорее всего, разнился – в своих дискурсивных практиках Россия выстраивала собственное понимание судьбы территории татар в изменившихся условиях *доминанции и подчинения*. Сейчас неважно, затронули практики этого процесса земли ногайских татар раньше или позже земель Крыма, но, скорее всего, это были звенья одной цепи. Продолжая разговор о символических формах присвоения Россией указанного пространства, точнее – символизме применения этих форм, нужно иметь в виду еще два, как минимум, обстоятельства, связанных с дискурсом империй. **Обстоятельство первое:** многовековая борьба Романовых и Османов за эти обширные окраинные районы Причерноморья вполне может оцениваться как столкновение правителей христианского и мусульманского миров. До заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора Османы имели все основания считать обширные пространства Крыма и Северного Причерноморья подвластными себе, периодически называя себя правителями Дешт-и-Кипчака, хотя в действительности единственным законным обладателем этого наименования в своей титулатуре являлся только правящий крымский хан из рода Гиреев (*Зайцев* 2004: 182). Османы, конечно, периодически именовали себя правителями Дешта, но, думается, плодотворной может оказаться мысль о таком символизме усилий России по изменению культурного ландшафта территории Крымского ханства, *который может быть связан с оценками ликвидации его как последнего из государств-наследников Золотой Орды (Гирей – Чингизиды)*. Сакральность такой борьбы была обусловлена многим – именованием хана в России "царем", выплатой "поминоков" ханству со стороны России вплоть до 1700 г., что явно снижало международный престиж страны в Европе и пр. *Следовательно, с ликвидацией Крыма Россия окончательно манифестовала о победе над Золотой Ордой*. **Обстоятельство второе:** мирные договоры, заключенные между Россией и Турцией в 1774 и 1791 гг., нанесли мощный удар по позициям османов в Причерноморье, способствуя стиранию границ не только между внутренними и внешними, как метко выразился А. Рибер (*Рибер* 2004б: 206), границами их империи, но между границами старыми и новыми. На обширных пространствах Дешта (в интересующем нас регионе – до реки Кубань) стала владычествовать Россия в лице Екатерины II – Темамен Руссиелерин Падишах (*Юзефович* 2005: 53). Это тем более символично, что именно Россия определила судьбу Крымского ханства по договору 1772 г., а позже назначив, по сути, на ханский пре-

стол Шагин-Гирея. Представляется, что эти акты вполне могут быть уподоблены по своему символизму событиям конца XV в., когда Османская империя сумела почти на три столетия стать верховным сюзереном Гиреев. Событие того же ряда, насыщенного семиозисом различного типа: не случайно в конце 1780-х годов Екатерина II учреждает должность "муфтия над всеми обитающими в России магометанского закона людьми", а в Таврической обл. – особого муфтия (ПСЗ-1 18306: Ст. № 16711).

"Привычное" нам *имя* региона – Кубань (применительно к описанию границ именно *российских* владений на Кавказе, начиная с конца XVIII в. – достаточно противоречиво входит как в бюрократический ("книжный") дискурс, так и "фолк-дискурс". Несомненно, что разные поколения как, например, местных интеллектуалов, так и сторонних (но заинтересованных) лиц империи вкладывали разный смысл (наполнение географического пространства) при употреблении данного термина. При этом интересно, что наименование этой части Северо-Западного Кавказа "Кубанью" случилось *много раньше* вхождения ее в состав России, вслед за чем данное наименование временно *исчезло*. Во многих документах, как минимум, времен XVIII в. мы встречаем прямое указание на обозначение земель Правобережной Кубани (входившей и тогда, и раньше в состав Крымского ханства) именно как Кубани (АВПРИ 1: 41 об.; РГАДА 1: 93 об.; РГАДА 2: 50–50 об.; ГАРО 1: 61 об.; РГА ВМФ 1: Оп. 1. Д. 16. Л. 23–24 и др.). На известном уже нам атласе 1745 г. Кубанью названы земли именно ногайских татар и, судя по всему, границы этого пространства не распространились на Левобережье Кубани, массово заселенное черкесами. На европейских картах XVIII в. из фондов РГВИА обширные пространства Правобережной Кубани также населены "Tatares de Kuban" (*Приймак* 2000), в соседстве с которыми лежит страна "Circassie". Впрочем, на российской карте конца 1770-х годов (Карта границы 1778) часть этого слова (-нь) находим написанной на пространстве *левого* берега Кубани, в землях "темургойцев". В любом случае повторимся, употребление такого имени региона, как Кубань, сопровождалось в представлении многочисленных "европейских" акторов коннотациями явно отрицательного и устойчивого при этом характера. И реакция российских участников этого процесса была едва ли не самой болезненной. Говоря другими словами, Россия прежде всего была заинтересована в том, чтобы *стереть старую память о Крыме и Кубани как о Татарии, превратив, например, Кубань, в не-Кубань*. Уже в феврале 1783 г. Екатерина II подписала указ об образовании на территории недавно обретенных земель новой административной единицы, получившей название Таврической обл. В состав "Тавриды" также вошли земли Таманского острова (ПСЗ-1 18306: Ст. № 15920), остальные же земли ногайской Кубани решили включить в состав Кавказского наместничества, учрежденного указом от 5 мая 1785 г. (ПСЗ-1 18306: Ст. № 16193). По моему представлению, уже в наименовании территории бывшего Крымского ханства *иными* названиями можно видеть зримое выражение практик империи по конструированию *новой* социальной памяти местных жителей "Новороссии".

Что касается ногайской Кубани, то этот регион почти обезлюдел к моменту переселения сюда черноморских казаков в 1792 г. Примечательно, что казачья старшина не менее имперских чиновников была заинтересована в обретении новых земель на "Кубани", но от самих казаков зависело не все. Другое дело, что ученые до сих пор дискутируют на тему: почему речь зашла об этих землях, вероятно, уже в конце 1787 г., заявляя, что "документальными источниками мы не располагаем, а предположения спорить не будем" (*Фролов* 2006: 74). Вряд ли ошибусь, если скажу, что ответ на данный вопрос может быть получен при анализе документов Г.А. Потемкина и В.С. Попова, хранящихся в РГВИА и РГАДА. На объяснение причин этого переселения надо смотреть гораздо шире, нежели исключительно с позиций обретения империей выгод от организации охраны новой границы по р. Кубань и создания нового войска, "исторически" способного к войне с турками. Представляется, что ключ к пониманию про-

блемы – изучение психологии личности Г.А. Потемкина, наименованного 10 января 1790 г. указом Екатерины II великим гетманом императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск, действие которого князь вскоре распространил по всем упомянутым в нем территориям (Лопатин 1997: 901–902). Согласно новейшим исследованиям А. Зорина, мотивация Г.А. Потемкина в создании казачьих войск определялась его планами по политическому переустройству Польши, включая использование казачьего фактора при возможном разделе королевства (Зорин 2004: 144–148).

Казаки и Грыцько Нечеса как участники греческого проекта? Остановимся на плодотворной мысли ученого: казаки были необходимы светлейшему князю для возможного расширения им личных владений в Польше и в любом случае связаны с его планами возглавить *некие* земли в качестве правителя, например, гетмана Восточной Польши, "населенной в значительной мере православными украинцами" (Зорин 2004: 144). Эта поразительная догадка в состоянии серьезно поколебать сложившиеся в науке историографические образы, связанные с переселением на "Кубань" новоучрежденного Черноморского казачьего войска. Кроме того, рассмотрение этого сюжета имеет прямое отношение к истории "греческого проекта", проекта по-прежнему загадочного, с которого не спадает "покров таинственности", несмотря на многочисленные обращения к нему историков (Лециловская 2003: 112). Еще И. де Мадариага, как представитель западного научного мира (см. также Fisher 1970), предполагала в начале 1980-х годов, что Потемкин мог стать правителем Дакии и что он в любом случае неслучайно озаботился планами по созданию новых казачьих войск (Мадариага 2002: 635–636). В свете новых разысканий и публикаций источников становится все более очевидным, что "князь Тавриды" вполне мог озаботиться реализацией "греческого проекта" (Маркова 1958; Зорин 2004: 33–64) (или его инвариации) на вверенных ему громадных территориях, включая земли ногайской Кубани. В самом деле – ученые, кажется, либо недооценивают возможность рассмотрения этого проекта как реализации масштабного культурного мифа (например, О.П. Маркова), либо переоценивают степень его реалистичности, иронизируя по поводу успехов, "вскруживших" голову Екатерине II (к примеру, В.Н. Виноградов). В дополнение имеющихся трактовок представляется возможным коснуться этого сюжета в его связи с воображением Россией пространства территории Крымского ханства как *возрожденной античной Греции*. Обращение к содержанию и реализации именно этого проекта – главный ключ к пониманию тех образов ментальной географии, которые Российская империя конструирует (теперь на *своем Юге!*), обращаясь к переименованию Крыма – в Тавриду, Тамани – в Фанагорию и т.д. Новый миф – "Россия как Греция" – был выгоден империи Романовых по целому ряду позиций, включая аспект легитимации ее завоеваний в Крыму и повышения престижа в Европе. Замечу, что ученые по-прежнему дискутируют – не шла ли речь в планах России о Византии? Представляется, что, скорее всего, нет, поскольку рецепция образов именно античного (языческого, греческого) наследия стала к этому времени частью государственной политики по европеизации страны (включая аспект легитимации европейского положения России в представлениях той же Европы); это была одна из важнейших задач российского царизма именно в XVIII в., начиная с Петра I (Живов, Успенский 2000: 484). В таком случае рушилась стройность и логичность традиционного для Европы взгляда на последовательности распространения света просвещения из Греции в Рим, далее – в Западную Европу, а оттуда в Россию, которая теперь "оказывалась связана с Грецией напрямую и не нуждалась в посредниках" (Зорин, 2004: 37). Именно *острота нерешенности вопроса даже при Екатерине II* (ср. "наивные" ее аргументы в пользу европейского положения империи – Заичкин, Почкаев 1996: 266) приводит к мысли о таком именно рассмотрении "греческого облика" проекта.

"Возрождая" античные традиции в Тавриде, Екатерина II не без влияния и участия Г.А. Потемкина) прозрачно намекала также и Европе и Турции, что в войне за возрождение Восточной империи – конечно, за счет владений Османов, Российская империя не остановится. Поэтому, вопреки рассуждениям О.П. Марковой, "греческий проект", конечно, существовал, принадлежа к числу таких мероприятий государственной жизни, которые "не подлежат реализации на эмпирическом уровне, представляя метагосударственные конструкции в чистом виде" (Лотман, Успенский 2000: 434). Другое дело, что дискуссионным является вопрос о связи этого проекта с возможным желанием Г.А. Потемкина стать правителем подвластных ему земель на Юге России (так, уже к моменту образования волонтерской команды казаков – см. ниже, он уже являлся Екатеринославским, Таврическим и Херсонским генерал-губернатором); быть может, даже с включением в это владение (гетманство?) земель Молдавии и Валахии. Объяснимой тогда выглядит забота Г.А. Потемкина о поселении казаков "на привольных местах Черного моря, между Днестра и Буга...", на чем выражение им своего "долга пещись" о казаках не закончилось. Своим ордером от 19 апреля 1790 г. гетман даровал войску Черноморскому земли (не принадлежащие помещикам) на "Кинбурнской стороне", "от Буга по морю до Днестра", а также Еникольскую округу с "Таманом", на котором находились принадлежавшие самому светлейшему князю места с рыбными ловлями (Короленко: Прил. № 14). Удивительно, как торопится Г.А. Потемкин: в тот же день он адресует казакам еще один ордер, которым утверждает в звании кошевого атамана Черноморского казачьего войска З. Чепегу, требуя вместе с тем участия казаков в комплектовании конного казачьего полка при булаве гетмана (Дмитренко 1896: 33). Интересно, что формирование этого полка вызвало распространение слухов об амбициозных планах Г.А. Потемкина на западном направлении именно как независимого правителя (Энгельгарт 1997: 94–95). И вряд ли нужно сейчас подсчитывать реальный военный потенциал этого воинского формирования, поскольку для нас гораздо важнее другое – символизм его учреждения Г.А. Потемкиным. В высшей степени семиотично его "показачивание" – под именем Грицько Нечесы князь записался в один из казачьих куреней Черноморского казачьего войска. В свете новой трактовки этих его практик данный факт вряд ли может быть отнесен к сумасбродству князя.

Уже в августе 1787 г. Потемкин отдает приказ о создании волонтерской команды из состава бывших запорожских казаков, которая должны влиться в состав этого полка (ГАКК 2: Оп. 1. Д. 2829. Л. 1), причем в своем ордере на имя З. Чепеги он подчеркивает, что эти волонтеры должны будут находиться при армии под его начальством (ГАКК 2: Оп. 1. Д. 3. Л. 1–1 об.). В фокусе внимания светлейшего князя находятся не только запорожцы: к казачьему корпусу предполагалось приписать, например, жителей г. Чугуева и "раскольничьих" слобод Екатеринославской губ. (ПСЗ-1 1830: Ст. № 16605), "умножая" их число, кстати, выходцами из Польши, а также создать целое войско из "ямщиков и мещан" (ПСЗ-1 18306: Ст. № 16647). Особенно примечательно, что князь лично *курует* вопрос о возвращении в Россию турецких ("неверных") запорожцев (ГАКК 1: Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 3 и др.). Уже 3 января 1788 г. (обращаю внимание – исх. документ № 3, несколько дней назад как отгремел Новый год!) Потемкин интересуется у З. Чепеги, как идет сбор казаков-волонтеров. А 14 января Екатерина II в своем указе одобрила старания верхушки бывшего Запорожского войска по сбору казаков, отдавая при этом вопрос о расселении казаков на откуп Г.А. Потемкина (ПСЗ-1 1830: Ст. № 16607). Наконец, указом от 22 января 1788 г. Екатерина II учреждает из этих волонтеров Войско верных черноморских казаков. Впрочем, в бюрократическом ("книжном") дискурсе *новое* имя *нового* войска приживалось с трудом: в документах ГАКК мы встречаем даже такие "экзотические" варианты, как "верное Запорожское войско" и "Войско верных запорожских казаков" (ГАКК 2: Оп. 1. Д. 7. Л. 2; Оп. 1. Д. 41. Л. 11; Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Оп. 1. Д. 239. Л. 13; Оп. 1. Д. 36. Л. 77). Никто из

исследователей, насколько известно, не мог ранее ответить на вопрос о причинах столь разительного противоречия между официальным наименованием войска и *de facto*-названиями.

Представляется, эти "разночтения" были вызваны к жизни при сознательном попустительстве князя, имеющего свои виды на черноморских (символически – запорожских) казаков и цинично воспользовавшегося удобным случаем (война с Турцией) для пополнения своих символических ресурсов в борьбе за территориальное расширение пределов его власти. Добавлю, что слишком по-хозяйски вел себя Г.А. Потемкин, решая вопрос о наделении казаков-черноморцев землями, например, в Северо-Восточном Причерноморье. А те сведения, которыми мы располагаем, позволяют перевести предположение А. Зорина в разряд *рабочих версий* объяснения причин переселения на "Кубань" Черноморского войска, развив при этом тезис нашего предшественника – *скорее всего, и Черноморья должна была войти в состав будущих владений великого гетмана Г.А. Потемкина*. Осенью 1791 г. великий покровитель казаков умер, войсковой верхушке пришлось искать обходные пути для реализации угодных ей старых замыслов гетмана. Казакам "повезло" снова – империя не собиралась отказываться от закрепления на территории ногайской Кубани – скорее всего, вопрос о переселении туда казаков был решен в Санкт-Петербурге без *определяющего* обращения к ходатайству хрестоматийно известной казачьей депутации (Фролов 2005: 10–12).

Можно также согласиться с замечанием О.В. Матвеева о том, что «смена названия войска (с Запорожского на Черноморское, причем в последнем случае – в вариациях – Д.С.) – символический ритуал. Наименование... выбиралось не только ради "ушам приятного прозвания", но и для приобретения качеств, обозначенных новым именем» (Матвеев 2006: 68). Несомненно, что Екатерина II крайне болезненно относилась к самой возможности сохранения памяти о Запорожье, указывая на необходимость поиска нового имени для войска – чтобы никто не подумал, "будто за нужно нашлось восстановить Сечу, либо название" (Там же). Но дальше, создавая *новую* этногенетическую историю региона, имперская власть столкнулась с рядом проблем, в т.ч. вызванных событиями Персидского бунта – наименование "верные" у ЧКВ было безжалостно отобрано (ГАКК 1: Оп. 1. Д. 59. Л. 5). Что касается номинации "Кубань", то на ее употребление было наложено своеобразное табу, причем, судя по всему, имперские власти действовали по единой схеме – как в Крыму, так и в Северо-Восточном Причерноморье. Уникальное подтверждение своим рассуждениям, высказанным еще год назад на "Дикаревских чтениях" и не вполне адекватно воспринятым некоторыми регионаловедом, удалось найти в биографии Г.А. Потемкина, автором которой стал А.Н. Самойлов, его современник и племянник; и сведения эти исключительной важности: "Но чтоб более поразить умы блистательностью деяний великия Екатерины, чтоб отрясть и *истребить воспоминание о варварах...* (выделено мной. – Д.С.) в покоренном полуострове возобновлены древние именованья: Крым наречен Тавридою, близ развалин, где существовал древний Херсонес, из самых тех груд камней при Ахтиарской гавани возник Севастополь, Ахт Мечет назван Симферополь, Кафа – Феодосией, Козлов – Евпаторией, Еникаль – Пентикапеум, Тамань – Фанагорией и проч. ...Словом, новый свет просиял в древнем Понтийском царстве... и беспрепятственно первый шаг сделан к очищению Европы от Магометан и к покорению Стамбула" (Самойлов 1867: 1015).

Итак, центром Таврической обл. становится Симферополь, хотя Бахчисарай было решено не разрушать. Сразу же после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, но еще до аннексии Крыма, как тонко подметил А. Зорин, Екатерина II и Г.А. Потемкин стали воздвигать свою Элладу – на новых землях заложены города Херсон и Славянск (Зорин 2004: 105). Представляется, что превращение Кубани в не-Кубань, например, в Черноморию – явление из области именно описанных выше практик. Земли "той" ("другой", "чужой", "неистинной") Кубани маркируются теперь

территорией Фанагорийского острова "со всюю землею, лежащею по правой стороне реки Кубани от устья ее до Усть-Лабинского редута..." (ПСЗ-1 1830в: Ст. № 17055).

Подчеркну, что речь идет о пожаловании Екатериной II казакам этих земель согласно грамоты от 30 июня 1792 г. в *вечное пользование*, что (в соединении с другими элементами данного акта – пожалованием знамен, преломлением хлеба во время церемониала в Слободзее и пр.) действительно поднимало это действие до сакрального уровня. Примечательно, что "остров Таман" по этой грамоте выступает в качестве равнозначного понятия "остров Фанагория" (*Дмитренко* 1896: 2) – недаром в российском бюрократическом ("книжном") дискурсе конца XVIII в. весьма быстро замеслялся "Фанагорийский остров" (ГАКК 2: Оп. 1 Д. 227. Л. 5об; Оп. 1. Д. 194. Л. 1об, 2; Оп. 1. Д. 223. Л. 9, 26), символическая география которого охватила не только земли Таманского острова, как исторического "ядра" Азиатского Боспора. Иногда в документах конца XVIII в. встречается такое выражение – "в Фанагории в городе Тамане" (Первая перепись: 53, 54), что, скорее всего, свидетельствует о названии всего региона – земель Таманского острова, а не двойном названии указанного города. Справедливо ради отмечу, что отдельные случаи употребления "табуированного" названия региона встречаются в документах конца XVIII в. (ГАКК 1: Оп. 1. Д. 56. Л. 37). Но чаще всего это регион без имени – "земля сего войска", "войсковые наши пределы" (ГАКК 1: Оп. 1. Д. 56. Л. 56; Оп. 1. Д. 38. Л. 97), либо это часть Тавриды.

Указом Павла I от 12 декабря 1796 г. Таврическая обл., наряду с Екатеринославским и Вознесенским наместничеством, была по сути ликвидирована; эти единицы составили новую губернию – Новороссийскую, причем ее центр Екатеринослав с 1797 г. стал именоваться Новороссийском (*Дружинина* 1959: 201). Черномория вошла в состав этого образования (Там же: 174), став со временем ее Фанагорийским уездом. В результате же разделения Новороссийской губ. в начале XIX в. на три аналогичных единицы, Черномория (Земля Войска Черноморского) вошла в состав *воссозданной* Таврической губ. (ПСЗ-1 1830в: Ст. № 20449), обретая статус ее Тмутараканского уезда (*Фролов* 2002: 97). Такой подробный экскурс понадобился для того, чтобы подчеркнуть следующую мысль – обозначение земель Крымского ханства, занятых Черноморским казачьим войском, как *Кубани* почти исчезает из употребления, хотя отдельные "бреши" использования "табуированной" номинации мы встречаем как на картах, так и в делопроизводственной документации. Не вполне доверяя ЧКВ как социуму, лояльному по отношению к верховной власти, царизм апеллирует в своих практиках выстраивания воображаемого пространства, однако не только (а первоначально – и не столько) к акту создания войска и сакрализованному по форме и содержанию пожалованию ему земель, что открывает наступление новой эры в истории "региона" и актуализацию космологической модели восприятия времени (*Успенский* 1996: 31), а к *временам Боспорского царства и Тмутараканского княжеств*, на что никто из ученых-регионоведов ранее внимания не обращал. Уже нет сомнений в том, что в первом случае речь идет о местных вариантах практик царизма по реализации так называемого "греческого проекта" Екатерины II, во втором – указывает на изошренность замысла властей по обоснованию очередного, исторически законного появления Руси-России в Северо-Восточном Причерноморье. Подчеркну, что в целом эти практики (включая изменение культурного ландшафта ногайской Кубани) свидетельствуют о формировании в конце XVIII в. нового исторического нарратива, легитимирующего Россию в ее новом, никогда прежде не виданном виде – *части Европы как наследницы античной Греции*.

По аналогии с мыслью Я. Зерубавель, также полагаю, что Российская империя с помощью этих форм конструирует не просто новую социальную память, но "контрпамять", которая в силу самой своей природы является оппозиционной, враждебной господствующей (ранее?) коллективной памяти и обладающей подрывным потенциалом (*Зерубавель*). В этногенетических построениях творцов этой "контрпамяти", конечно,

Кубани не оставалось места как региону. Эта "контрпамять" конструируется империей прежде всего по отношению к прошлому Крымского ханства, как Малой Татарии, к "нецивилизованным татарам". Это те "хищники", которые, как считает Екатерина II в манифесте об объявлении войны Османской Порте 7 сентября 1787 г., "не один век грабительствовали в пределах Нашей Империи и многократно были причиною возставших неприязненных действий между обеих империй" (Российской и Османской. – Д.С.) (ПСЗ-1: 18306. Ст. № 16567). "Контрпамять", как пишет Я. Зерубавель, бросает вызов коллективной памяти не только в мире символов, но она также связана с политикой, а, благодаря определенным усилиям, историческое событие может превратиться в коллективной памяти в политический миф. Именно по такому "алгоритму" новая историческая память о российском Кавказе, постоянно получая новые импульсы, окончательно формируется, по сегодняшнему видению проблемы, в первой половине XIX в. Не случайно первый региональный исторический труд об утверждении России "на Кавказе с того времени, как русское правительство обратили на сей край" (Я.Г. Кухаренко, А.М. Туренко – "Записки о Войске Черноморском") создается в 1834–1836 гг. по велению из Штаба отдельного Кавказского корпуса и не без участия барона Розена – "главноуправляющего в Грузии" (ГАКК 2: Оп. 1. Д. 2921. Л. 1–60). Эксперимент удался – время памяти местной истории было "обнулено", а черноморское казачество, стержневая основа этого труда, объявленное форпостом российского присутствия на Кавказе, участвует, по аналогии с мыслью П. Нора (*Nora* 1989: 16–17), в *рождении* новой этногенетической истории региона, онтологическом разрыве с *предыдущим прошлым*.

Источники и литература

- АВПРИ 1 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 28.
- Агафонов 2001 – Агафонов А.И. История Донского края. (XVI – первая половина XIX века. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д.: Приазовский край, 2001 (см. в книге *отдельно воспроизведенные карты, являющиеся приложениями*).
- Амелькин 1992 – Амелькин А.О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI в. (по материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). Автореф. дис. ... к.и.н. Москва, 1992.
- Архив князя – Архив князя Воронцова. Кн. 25. М., 1882.
- Атлас Российской 1745 – Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою Великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745.
- Баррет 2000 – Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский "фронт" России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Изд-во "Самарский университет", 2000.
- Боплан 2004 – Боплан Г.Л. де. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004.
- Вульф 2003 – Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- ГАКК 1 – Государственный архив Краснодарского края. Ф. 250.
- ГАКК 2 – Государственный архив Краснодарского края. Ф. 249.
- ГАРО 1 – Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1471.
- Герберштейн 1988 – Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Дмитренко 1896 – Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Собраны и изданы И.И. Дмитренко. Т. 2. (1787–1795). СПб., 1896.
- Дружинина 1959 – Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Наука, 1959.
- Дружинина 1970 – Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800–1825 гг. М.: Наука, 1970.
- Живов, Успенский 2000 – Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Из истории русской культуры. Т. 4. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Заичкин, Почкаев 1996 – Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Екатериносские орлы. М.: Мысль, 1996.

- Зайцев* 2004 – *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI в.): Очерки. М.: Изд-во "Рудомино", 2004.
- Зерубавель* – *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти (<http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state>).
- Зорин* 2004 – *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Карта границы 1778 – Карта границы империи между Каспийским и Черным морями. Сочинена в 1778 г. (с обозначением земель белгородских татар) // Государственный Исторический музей. Инв. № 60083 ГО А-5125. Гравюра 1778 г.
- Короленко* – *Короленко П.П.* Черноморцы за Бугом. Б/м, б/г.
- Ктиторов* 2007 – Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Матер. 10-й Всерос. конф. / Сост. С.Н. Ктиторов. М.; Армавир: Изд-во АГПУ, 2007.
- Лециловская* 2003 – Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. / Отв. ред. И.И. Лециловская. М.: Наука, 2003.
- Ливенсон* 2005 – *Ливенсон А.* "Кавказ" подо мною. Краткие заметки по формированию и практическому использованию "образа врага" в отношении "лиц кавказской национальности" // Образ врага / Сост. Л. Гудков, ред. Н. Конрадова. М., 2005.
- Лопатин* 1997 – Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / Изд. подг. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997.
- Лотман, Успенский* 2000 – *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 4.
- Мадариага* 2002 – *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Малахов* 2003 – *Малахов В.С.* Вместо заключения // *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Маловичко* 2007 – *Маловичко С.И.* "Крымские "мифы" и поездка в Крым в 1870 году" русского ботаника Н.И. Железнова // "Курорт" в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: Матер. межд. науч. конф (Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2007.
- Маркова* 1958 – *Маркова О.П.* О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4.
- Матвеев* 2006 – *Матвеев О.В.* Монарх в исторической картине кубанского казачества (конец XVIII – начало XX столетия) // Кубань – Украина: Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар, 2006. Вып. 1.
- Мечта о русском единстве – Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М.: Европа, 2006.
- Микешин* 1895 – Описание проекта памятника императрице Екатерине II / Сост. М.О. Микешин. СПб., 1895.
- Миллер* 2002 – *Миллер А.И.* Ментальные карты историка и связанные с этим опасности // Исторические записки. Вып. 5. М., 2002.
- Миллер* 2004 – *Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.
- Миллер* 2006 – *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Нам перед потомками – Нам перед потомками не краснеть // Кубанские новости. 2006. № 127 (23 августа).
- Наш праздник – Это наш общий праздник // Кубань сегодня. 2006. № 130 (9 сентября).
- Новосельский* 1948 – *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- О создании учебника 2004 – О создании учебника "История Кубани" / Инф. письмо Департамента образования и науки администрации Краснодарского края №12/98 от 11.02.2004.
- Первая перепись 2006 – Первая перепись казаков-переселенцев на Кубани в конце XVIII в.: Исторические документы. Краснодар: Диапазон-В, 2006.

- Подосинов* 1999 – *Подосинов А.В.* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Приймак* 2000 – *Приймак Ю.В.* Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи XVIII – первая треть XIX в. Дис. ... к.и.н. Краснодар, 2000 (см. в рукописи отдельно воспроизведенные карты, являющиеся приложениями).
- ПСЗ-1 1830а – ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 21.
- ПСЗ-1 1830б – ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 22.
- ПСЗ-1 1830в – ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 23.
- РГА ВМФ 1 – Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 233.
- РГАДА 1 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 89. Оп. 1. 1717 г. Д. 4.
- РГАДА 2 – Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 126. Д. 466.
- Ремнев* 2004 – *Ремнев А.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.
- Рибер* 2004а – *Рибер А.* Сравнимая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.
- Рибер* 2004б – *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства / Сб. ст. (Б-ка ж-ла "Ab imperio"). Казань, 2004.
- Самойлов* 1867 – *Самойлов А.Н.* Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // Русский архив. 1867. № 7.
- Сень* 2006а – *Сень Д.В.* "Черноморья" versus "Кубань": некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – первой половины XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006.
- Сень* 2006б – *Сень Д.В.* Дискурс империй, казачество и региональные особенности управления Россией пограничными территориями: "Фанагория – Черноморья – Кубань" (конец XVIII – середина XIX в.) // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России: Матер. междунар. конф. (5–7 октября 2006 г.). Астрахань, 2006.
- Сень* 2007 – *Сень Д.В.* Воображение региона как колонизация: Кубань – Черноморья – Кубань (Практики Российской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII–XIX вв.). Ч. 1. "Преодоление" Татарии // "Курорт" в дискурсивных практиках социогуманитарного знания: Матер. междунар. науч. конф (Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2007.
- Смирнов* 1999 – *Смирнов Н.Н.* Забайкальские казаки в отношениях России с Китаем и Монголией (1645–1895). Волгоград: Волгоградский комитет по печати и информации, 1999.
- Успенский* 1996 – *Успенский Б.А.* История и семиотика // *Успенский Б.А.* Избр. тр. Т. 1 (Семиотика истории. Семиотика культуры). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Филюшкин* – *Филюшкин А.* Как Россия стала для Европы Азией (<http://abimperio.net/scgibin/aishow.pl?state>).
- Фролов* 2002 – *Фролов Б.Е.* Административно-территориальные преобразования в Черномории начала XIX в. // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002.
- Фролов* 2005 – *Фролов Б.Е.* Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань // *Historia Caucasia: Региональный исторический сб. науч. ст. Вып. 4.* Краснодар, 2005.
- Фролову* 2006 – *Фролов Б.Е.* Атаман Захарий Чепега: К 280-летию со дня рождения (1726–1797). Краснодар: Диапазон-В, 2006.
- Хотина* 2006 – *Хотина Ю.В.* Формирование историко-культурного наследия Кубани в конце XVIII – начале XX в. Автореф. дис. ... к.и.н. Краснодар, 2006.
- Шенк* 2001 – *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2001.
- Шницерельман* 2006 – *Шницерельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Энгельгарт* 1997 – *Энгельгарт Л.Н.* Записки / Подготовка текста, сост. и примеч. И.И. Федюкина. Москва, 1997.
- Юзефович* 2005 – *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2005.

- Bassin* 1991 – *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. 1991. № 50.
- Fisher* 1970 – *Fisher A.W.* The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Harley* 1988 – *Harley J.B.* Maps, Knowledge and Power // *The Iconography of Landscape. Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments* / Hg. D. Cosgrove, St. Daniels. Cambridge, 1988.
- Mosse* 1975 – *Mosse G.L.* The nationalization of the masses. N.Y., 1975.
- Nora* 1989 – *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // *Representations*. 1989. Vol. 26.
- O'Neill* – *O'Neill K.* Constructing Russian Identity in the Imperial Borderland: Architecture, Islam, and the Transformation of the Crimean Landscape (<http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state>).
- Schwarcz* 1994 – *Schwarcz V.* Strandes no more: personal in the interstices of public commemoration // *Memory, history and opposition under state socialism*. Santa Fe, 1994.
- Wallerstein* 1995 – *Wallerstein E.* Does India Exist? // *Wallerstein E. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-century Paradigms*. Cambridge, 1995.

D.V. Sen'. Imagined Geography and Imperial Discourse: Practices of the Russian Empire in Crimea and the North-West Caucasus in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries

The article is an attempt to study non-military "colonization" practices of the Russian state that were applied to master Black Sea areas, including the Nogai Kuban lands, in the late eighteenth and early nineteenth centuries. These practices are considered from the perspective of imperial discourses and mental geographies existing and forming in the realm of communication between newly arriving Slavic residents and local peoples of Kuban. The author investigates Russia's methods of reshaping cultural landscapes of the former Crimean Khanate and efforts to create new kinds of historical memory in the region.